

Восприятие нормы как нарратива сказки через паттерны в культуре

Аннотация

Введение. Личность в течение жизни стремится к познанию истины, однако выбирает путь становления и утверждения жизненных приоритетов и идей, который происходит через поиск идентичности как реальности в стремлении к достижению наивысшего блага в категории познания мира через преодоление и соответствие своему внутреннему Я. Данный аспект выражается в системе ценностей общества и индивида, а также влияет на гендерные стереотипы соответствия добру/злу.

Материалы и методы. Были использованы различные сферы гуманитарного знания и их междисциплинарные подходы. Используя категории культуры этноса, можно выявить и унифицировать уникальное прочтение сказочного как исторического нарратива психологического знания. Интегративный подход позволил выявить существующие причины необходимости личности к погружению в историко-общественное уникальное реальное.

Результаты исследования. Представленная работа направлена на понимание уникального «этнического кода» в сказке. Это позволяет говорить о зацикливании сказочного смысла как идеи в общественной парадигме существования этнической культуры, постулате реальности и истинности.

Обсуждение и заключение. Необходимо дальнейшее изучение проблемы восприятия сказочного нарратива в повседневной жизни. Именно выработка «своего» героя как ответа на время проживания индивида формирует запрос на исход деятельности как высшего стремления к идеальному, т. е. вневременному эмоциональному и логическому идеальному.

Ключевые слова: культура, общество, личность, сказки, истина, реальность, этнос.

Для цитирования: Миничкин П. Д. Восприятие нормы как нарратива сказки через паттерны в культуре // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2025. Т. 25, № 4. С. 381–389. DOI: 10.24412/2078-9823.072.025.202504.381-389.

Pavel D. Minichkin

National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia),
e-mail: mini4ckin.paw@yandex.ru

Perceiving the Norm as a Fairy tale Narrative Through Patterns in Culture

Abstract

Introduction. Throughout his life, a person strives to know the truth, however, choosing the path of formation and affirmation of life priorities and ideas, which occurs through a personal choice, projected ideal – fabulous by society. The choice of one's identity as reality is in the pursuit of achieving the highest good in the category of cognition of the world through overcoming and conforming to one's inner Self. This aspect is expressed in the value system of society and the individual, and also affects gender stereotypes of conformity to good/evil.

© Миничкин П. Д., 2025

Materials and Methods. Various fields of humanitarian knowledge and their interdisciplinary approaches were used. Using the cultural categories of an ethnic group, it is possible to identify and unify a unique interpretation of the fairy tale as a historical narrative of psychological knowledge. The integrative approach made it possible to identify the existing reasons for the individual's need to immerse himself in the historical and social unique reality.

Results. The presented work is based on the analytical result of a study aimed at understanding the unique “ethnic code” in the fairy tale. This aspect allows us to talk about the fixation of fairy-tale meaning as an idea in the social paradigm of the existence of ethnic culture as a postulate of reality and truth.

Discussion and Conclusion. Further study of the perception of fairy tale narratives in everyday life is necessary. It is precisely the development of “one's own hero” as a response to a person's time that shapes the demand for the outcome of an activity as the ultimate aspiration for the ideal, i.e., a timeless emotional and logical ideal.

Keywords: culture, society, personality, fairy tales, truth, reality, ethnicity.

For citation: Minichkin P. D. Perceiving the Norm as a Fairy tale Narrative Through Patterns in Culture. *Gumanitar: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2025; 25(4): 381–389. (In Russ.). DOI: 10.24412/2078-9823.072.025.202504.381-389.

Введение

Процесс глобализации при всех ситуативных локальных ответах приобщает прежде всего к идее и отношению к самой идее, что, безусловно, создает именно свой единственно верный эффект. Следует отметить, что без данного единого оценивания теряется важная черта представления культуры локальной в контексте глобальной. Так, образная схема подражания при разности характеров и черт проявляет лишь единичные общие черты, которые из-за социально культурных отличий таковыми не кажутся. Об этом писал Я. Гримм: «Народ, вера которого направленно уничтожается, неизбежно сохраняет отдельные ее фрагменты, перенося их на новые, часто случайные, объекты почитания» [4, с. 489–490]. Однако в нашем контексте вера как элемент культуры не уничтожается осознанно, но постоянно претерпевает изменения в своих формах выражения в социальной жизни, в том числе в устном поэтическом творчестве, что влияет на сюжет и смысл не просто произведения, но самих актов действия как начальной точки осмыслиения героя. Сказка в данном случае является воплощением нарратива как начального и последующего после процесса изменения своего смысла

и целостности с проявлениями новых элементов, принятых случайно. В этом направлении размышлял В. Я. Пропп: «Он герой не только потому, что учреждает семью и при этом освобождает землю от чудовищ. Он хранит священные традиции прошлого, но он же ломает те из них, которые уже не соответствуют моральным нормам, выработанным развитием общества» [12, с. 560].

Именно о процессе перенятия образа как нарратива, общего к оценке времени и обратного процесса, говорит О. Шпенглер: «Глубочайшим примером этого подспудного смысла всякого реализма является проблема времени. То жуткое, что содержится во времени, – сама жизнь – должно быть здесь заклято и снято понятийной магией» [17, с. 160]. Философ описывает проблему тайны, которая является объектом осознания, каждый выбирает уникальное средство – от веры до снижения ее значимости и отстраненности в реальном. Однако, по нашему мнению, именно сказка как совокупность нарратива – средство достижения именно этого состояния познания, где реальность «украшена» элементами магического, которое является в свою очередь метареальностью – возможностью познания момента своего Я в стремлении к истине.

Обзор литературы

Изучением сказки занимались многие ученые. Интерес был обусловлен историческими факторами самоопределения этносов. Отличительной чертой являлась непосредственная обработка полученного материала; степень описания и выводов обусловливалась принадлежностью автора к своим оценочным системам. Сказки изучались как фольклор для последующей адаптации в книгах, театрах, произведениях живописи; как причина успеха или поражения народа в экономике и производстве; как политический инструмент доказательства общего исторического прошлого и т. д. Сказку как культурный аспект духовно-нравственной жизни и ее адаптацию к жизни исследовали А. А. и П. А. Гагаевы [3; 14], Я. Гримм [4], А. Ф. Лосев [8], В. Я. Пропп [12]. Влияние персонажа на личность в контексте социума изучал К. Г. Юнг [18].

Единое современное как фабула образа направлено на единение как нравственное, так и духовно-социальное, что приводит к модели отчуждения народного традиционного как идеального и ее перекодировке в повседневное, бытовое. Так, по мнению М.-Л. фон Франц, профанное отождествляется с повседневным низменным, т. е. лишенным возвышенного, что позволяет говорить о нахождении как социума, так и индивида вне идеальных констант-идей, взглядов [15; 16]. В итоге теряется модуляция идеального как устремление и становится чуждым, т. е. лживым по отношению к обыденному, и теряется в нем. Это приводит к стиранию личных взглядов и позволяет говорить о культурном явлении в социальной среде как об угнетающем факторе пассионарности духа. Конечно, можно рассмотреть этот момент не через идею активации человеческого потенциала и его влияния на окружающую среду – в таком случае мы вынуждены говорить о роке и вселенской душе. Уверены, не стоит

выделять и разносить по разным сторонам возвышенное как идеальное и бытовое окружающее как низменное. Мы выделяем единый смыслообразующий инструмент адаптации и последующей интеграции в среду социума, которая претерпевает изменение в логико-эмоциональной экспансии человека, который, будучи воспитанным в единой системе, имеет свое уникальное прочтение, т. е. культурный код, который выражается в его характере отчуждением и приобщением к моделям поведения, логическим связям и нравственно фиксированным договорам-законам, что является именно общественно-индивидуальным прочтением истины, в нашем контексте – этнической, духовно-религиозной, государственной и самой цивилизации. Изменение в данном случае выявляет общественную невозможность влияния как высшего для личности и способствует проявлению личного злодея, который, меняя себя, разрушает все вокруг. Так, говоря о мере влияния нарратива на общество и конкретно индивида в системе институтов, высказывался Т. Веблен. По его мнению, «институты – это результат процессов, происходивших в прошлом, они приспособлены к обстоятельствам прошлого и, следовательно, не находятся в полном согласии с требованиями настоящего времени» [2, с. 183].

Материалы и методы

Следует отметить, каждое прочтение отношения к выбранным категориям рождает последующий справедливый ответ по отношению к следующей позиции. Каждое прочтение уникальное, но и общедоступное для восприятия в системе оценки-действия, модели выбора «да – нет», что позволяет отчуждать от себя внешнее иное, т. е. чужое по позиционированию. Как заметили А. А. Гагаев и П. А. Гагаев, «человечеству присущи в лице народов как инвариантные ценности, так и особенные, только этим народам присущие ценности, которые могут быть и стать как общезначимые, а мо-

гут иметь и только локальное значение» [3, с. 310].

Следует отметить, что выбор отношения к отчужденным критериям позволяет в дальнейшем переработать и выверенную позицию к уже имеющейся позиции и объекто-субъектной связи образов и вынести одну из позиций в симулякр сам по себе и симулякр отзеркаленный, т. е. повторение любой позиции и ее закрепление приносит нулевое отклонение в социуме, что приводит к угнетению и исчезновению выбранного ложного, которое не само по себе ложное, но ложное по результату, поскольку отражение является не первопричиной, поэтому и изгоняется от общего неложного и неистинного. Мы говорим не о подмене или сокрытии актом мышления и воли, а о неверной изначальной позиции культурной среды, выверенной в социально-общественной жизни как единой возможной модели. Теряется дух изменения среды под влиянием внутреннего Я, который вырождается до примитивно психологических позиций, по отношению к которым у индивида формируется запрос на удовлетворение, а не познание. По мнению У. Эко, эстетика, выраженная как вершина потребительского спроса, изменила суть Красоты, т. е. в нашем контексте ориентацию для лично-го оценивания своего Я. «В конце концов, Красота совпадает уже не с излишком, а со стоимостью: пространство, некогда отводившееся смутному и неопределенному, теперь заполняется практическим назначением предмета. Вся последующая эволюция предметов, внутри которой начнется не столь быстрое раздвоение формы и назначения, будет отмечена этой изначальной двойственностью» [6, с. 363].

Следует учитывать и факторы усиления/ослабления выбора, нацеленного на подражание, взятого за основу образа, прежде всего его внутренний смысл, который является дальнейшей основой для придания

маркера подражания. В нашем случае основа есть инструмент выделения критерииев, которые являются собой совокупность черт соответствия, которые заложены в обществе и проецируются на личность, ставя ее перед выбором истины как сложности прочтения форм и их вариаций социального. О вместилище ролей индивида в обществе и его многогранности в проявлениях психического и культурного нарратива говорила М.-Л. фон Франц: «Личность – вместилище различных ипостасей человека, существующих одновременно, но не нарушающих его идентичность» [15, с. 42]. Таким образом, индивид, выбирая свой уникальный тип модели подражания, является в последующем личность, которая выбирает из уже устоявшихся основ общества свое видение, которое, будучи его выбором, не является личностным оригинальным для социума в целом. Мы говорим о том, что индивид, выбирая свое видение, становится личностью, которая представляет собой одну или несколько близко стоящих вариаций социальной игры, которая формирует и варьирует как мотивы, так и морально-нравственную сторону. Можно сказать, что происходит зацикливание на игре и ее правилах, где четко происходит разница между добром и злом, при этом замалчивается бытовая (профанная) сторона аспекта.

Результаты исследования

Личность не настроена на условности, она формируется в рамках идеализации, которая не пытается объяснить разницу реального – как бытового, так и идеального, прежде всего сказочного. Формируя при этом отчужденность между реальностью и внутренним миром личности, что усиливает со временем вопрос о выборе как таковом и его переосмысливает. Данный аспект в контексте развития сюжетной исторической реальности отметил С. Максимов: «Пройдут года, забудется имя несчастного, но случай превращается в легенду на устра-

шение или поучения грядущим векам» [9, с. 55]. По нашему мнению, он подразумевает под легендой любую последующую развивающуюся историю, в которой доля правды смешивается с магическими, иными элементами. Именно обработка с магическими и волшебными вставками помогает не только выразить сюжет и исторический подтекст, но и способствовать постоянному интересу.

Добро и зло – фундаментальные факты мира, однако разница между ними лежит в идеальном метафоричном, где главенствует исторический фактор общественного выбора, прежде всего моральный. Поскольку этот фактор не просто искажался со временем, но наполнялся новыми представлениями, его уникальность многозначительна и зависит от общественного мнения касательно времени пребывания в нем. Сверхидеализация условна и может трактоваться лишь в рамках времени использования, отсюда и неразрешенность вопроса о становлении идеальной личности, которая имеет в себе множество уникальных вопросов: жизнь, творчество, мир, семья, любовь, дети. Варьируя выбор ответов, личность их непрерывно проецирует на окружающий мир и, не находя в нем опоры для становления одного из запросов, вынуждена оставить ответ или действие на потом или отменить его выполнение. Здесь, по нашему мнению, кроется одна из главных черт личности, а именно душа, но не в контексте религиозного мета-нarrатива, а в виде общественного института созидания и провоцирования к действию. При этом происходит процесс создания и дальнейшего закрепления результата как единственно верного, именно историческая отсылка в личности к общественному является собой душу. Можно сказать, что коллективное бессознательное как общественная память является собой нарратив к созданию через личность и ее видению себя и времени в мире.

Следует отметить, что процесс оценки личности себя и общественной модели отношения к истине, добра и зла заставляет непрерывно изменять, выставлять напоказ, уничтожать именно те стороны ранее выбранного образа для своего подражания и наполнять его другими, отчужденными, что говорит об общественном процессе сознательного в коллективном. При этом изменение своего типажа подражания есть добро, а зацикливание на своем – общественное зло, и именно это порождает противоречие между идеальным как всеобщим постоянным и идеальным времененным, т. е. личным в момент жизни. Общество не ставит перед личностью постоянство; именно выбор является собой отчуждающий характер в контексте морального зла (провоцирование). Мы согласны с мнением М.-Л. фон Франц о дуальности согласованности жизни в личном и общественном: «Это происходит от того, что в человеческом опыте совместной жизни индивиды представляются одновременно «цельными» людьми и, как это ни парадоксально, в то же время являются собой лишь фрагменты высшей символической целостности» [16, с. 303].

Можно увидеть сложность в общественном идеальном, поскольку истина как моральный фактор поддается конкретным манипулятивным изменениям со стороны «высшего» образа – сверхконстанты. Оценка со стороны верховного общественного идеала есть как порицание, так и демонстрация консервации в обществе конкретных, порой диаметрально противоположных контекстов, лавируя между которыми не выискивается ни истина, ни справедливость, но общественное одобрение. В данном аспекте, говоря об истине, Ф. Ницше выводит идею о том, что она лживая: «Истина, таким образом, не есть нечто, что существует и что надо найти и открыть, но нечто, что надо создать и что служит для обозначения некоторого процесса, еще бо-

лее некоторой воли к преодолению, которая сама по себе не имеет конца» [11, с. 234]. Поэтому истина сама по себе незначительна по сравнению с усилием, которое личность делает для преодоления обычного восприятия самости себя и мира, прежде всего в константе общества, т. е. приходя в своем понимании к верной трактовке себя и своем проявлении в мире как ассоциируемый герой. Личность хочет тождества себя и своих затраченных сил, прежде всего проявленных в общественных процессах. Как заметил Ж.-П. Сартр, «на самом деле тотальность человека – это обязательно некий синтез, иными словами, органическое и схематическое единство всех его вторичных структур [13, с. 315].

Это позволяет манипулировать выбором личности в угоду прежде всего своей, уникальной общественной доктрине восприятия мира, что приводит к единственному верному образу жизни и ее представлению. Иное мнение отождествляется со злом и не берется в серьезный контекст осмысливания, что приводит к закостенелости форм восприятия.

Выбирая форму подражания, личность становится сложенной из ряда психоэмоциональных черт. Это общественно выверенные догмы нравственного склада характера, идеальной формы изначально-го инварианта. Таким образом, обществу гораздо проще считывать центральный образ и иметь возможность воздействовать на него через сторонние качества, которые, будучи второстепенными, являются отрицательными именно в аспекте восприятия. Так, добро, как и поступки, направлено на содействие благополучию общества, забота о себе – зло, которое должно быть наказано, но именно забота о себе является важнейшей чертой личностного восприятия мира, поэтому гедонизм отрицателен, а его формы ужасны. В то же время стремление к отдаче, еде, сну, семье является выходящим

из него, что считается допустимым, но без излишеств. Однако излишества изначально считаются злом и не применяются временем к ним, поскольку являются изначальным ужасным. Сверхпотребление к идеальному – безвкусица и гедонизм, забота о себе и своем здоровье – проявление слабости и преобладание темных сил. Множество сказочных героев имеют свое, личное отношение к злу, это и непослушание, плохое поведение, тяга к странствиям и вопросы об истинности восприятия, на которое упирает общество [1].

Бесхарактерность – черта, которую любит взаимодействовать профанное (бытовое) окружение, что является естественным стремлением к единому образу подражания и модели истинности – сверхобщественный идеал. В своем дальнейшем развитии личность претерпевает ряд изменений и начинает задавать ряд фундаментальных для личности вопросов: «Кто я?», «Каково мое предназначение?», «Что я оставлю после?». Неслучайно категории идеала и обыденности вплетены в нарративы сказок, ведь форма сказочного, как и магического, позволяет усиливать именно моменты выбора и их признание личностью как единственно возможные. Своего рода получается постоянная оценивающая система вне личного Я в культурном Я, т. е. собственное видение себя и окружающего. Как подметил В. И. Иванов, «но путник все будет идти, и вожатый пребудет верен путнику. Это недостижимое в наших земных гранях. Там – не просто мечтательное, там – не романтическое Dahin: оно принадлежит чистой мистике» [5, с. 74].

Стоит отметить ряд особенностей для разделения ответов и их поисков на мужские и женские. Так, для мужчины поиск себя и своей роли в мире, своего наследия – главные задачи, в то время как женщина имеет лишь последовательность вовлечения в ответы через социально значимые

инициации. У женщины роль заключается в поиске подходящего супруга, создании семьи и рождении детей. Женщина за свою жизнь должна быть вовлечена в эти процессы целиком; в свою очередь мужская роль здесь иная. Мужчина ищет смыслы и свою роль; для него семья, как и дети, лишь условность, которой можно пренебречь и найти варианты хуже/лучше.

Мужчины уходят за лучшей долей в лучшие земли и не всегда оттуда возвращаются, но остаются теми же. В то же время девушка, которая решит уйти, хотя бы к братьям в гости, по дороге к ним становится иной, чуждой изначальной себе – ведьмой. Это характерно для трансформации своего Я в контексте социально-культурного представления своего внешнего, т. е. игрового через сакральное личное: «Пришлось ей в рогожный сарафан Сюоятар одеться. А та в сарафан иголку воткнула. Девушка иголкой укололась и онемела» [7, с. 93].

Благополучно живет лишь тот, кто живет для себя и изживает своих близких, подводя таким образом черту между собой и другими, т. е. не его формами соучастия в мире. Он берет от мира реализацию быта и повседневной реальности. «Умерла у Атякша жена. Плохо ему стало. Ни порты постирать некому, ни щей сварить. Возроптал он на Бога» [10, с. 157]. Такой персонаж вспыльчив, лукав, требует свое и непочтителен ни к жизни (она пройдет), ни к смерти (она еще не пришла). В момент осознания своего Я и завершения пути к невозможной

трансформации дурачит сам себя. Последнее слово за ним, его стремление к своему счастью сильнее охраны рая, он не просто человек, но гедонист.

Забытье индивида для общества – хороший пример личности, причем личности с точки зрения общества, а не самой себя. При этом теряется логическое личностное и выявляется примитивное агрессивное, что является не созидающей силой, а лишь эмоционально несостоительной характеристикой индивида, который не решает проблемы, подстраивается под него или ждет волшебной силы извне.

Обсуждение и заключение

Результатом погружения в сказку является сопутствующее одновременно движение в двух плоскостях: бытовом реальном и мечтательном идеальном – сказочном. Переход одной плоскости в другую возможен фрагментарно, поскольку именно ассоциативный ряд действий выявляет единство образов соучастия, даже если они нетождественны. В данном аспекте восприятия происходит ситуативно единственно возможный вариант отношения к данной условности. Так, положительный образ лишь усиливает значение для личности, а отрицательный ослабевает, если, конечно, личность не намерена усилить свои негативные черты, тогда происходит наоборот и в результате сверхдоминирования, будь то добро или зло. Личное Я растворяется в нем, теряя самость и уникальный индивидуальный код прочтения окружающего и себя.

Список источников

1. Библиотека русского фольклора. Сказки. М.: Советская Россия, 1989. Кн. 2. 576 с.
2. Веблен Т. Теория праздного класса / пер. с англ. С. Сорокиной. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. 384 с.
3. Гагаев А. А., Гагаев П. А. Философия здравого смысла: критика оснований разума. Кн. 3. Антропология, культурология, психология, критика реальности с позиций здравого смысла. М.: ЛЕНАНД, 2015. 448 с.
4. Гrimm Я. Германская мифология. Боги древних германцев / пер. с нем. Д. С. Колчигина. М.: Яуза-пресс, 2024. 864 с.
5. Иванов В. И. По звездам. Борозды и межи / вступ. статья, сост. и примеч. В. В. Сапова. М.: Астрель, 2007. 1 137 с.

6. История Красоты / под ред. У. Эко; пер. с итал. А. А. Сабашниковой. М.: СЛОВО / Slovo, 2006. 440 с.
7. Карельские сказки / пер. У. С. Конкка, А. С. Степановой, Э. Г. Карху. Петрозаводск: Карелия, 1983. 111 с.
8. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. 525 с.
9. Максимов С. Нечистая, неведомая и крестная сила. Крылатые слова: очерки. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. 832 с.
10. Мордовские народные сказки: для ст. и сред. школ. возраста / собр. и обраб. К. Т. Самородов; сост. А. А. Долгачев. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1985. 400 с.
11. Ницше Ф. О власти / пер. с нем. Т. Гейликман и др. М.: АСТ, 2018. 432 с.
12. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. Русский героический эпос. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 1 168 с.
13. Сартр Ж.-П. Что такое литература? / пер. с фр. Н. И. Полторацкой. М.: АСТ, 2020. 448 с.
14. Философия и природа, космо-психо-логическая модель русской сказки: в 3 кн. Кн. 1. Природа и философия русской сказки в теории русского космо-психо-логоса / отв. ред. А. А. Гагаев, П. А. Гагаев. Саранск, 2016. 502 с.
15. Франц М.-Л. фон. Собрание сочинений. Т. 1. Архетипические символы в волшебных сказках. Обыденный и магический миры / пер. с англ. Н. Н. Кулаковой. М.: Академический проект, 2023. 687 с.
16. Франц М.-Л. фон. Собрание сочинений. Т. 3. Архетипические символы в волшебных сказках. Испытание девицы / пер. с англ. А. А. Алиповой (Лысиковой); науч. ред. А. С. Хмель. М.: Академический проект, 2024. 527 с.
17. Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории / пер. с нем. И. Маханькова. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. 1 152 с.
18. Юнг К. Г. Избранные работы / пер. А. М. Руткевича. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2014. 287 с.

References

1. Library of Russian folklore. Fairy tales. Book 2. Moscow, 1989. 576 p. (In Russ.)
2. Veblen T. Theory of the leisure class. St. Petersburg, 2022, 384 p. (In Russ.)
3. Gagaev A. A., Gagaev P. A. Philosophy of common sense. Criticism of the foundations of reason. In 4 books. B. 3: Anthropology, Cultural Studies, Psychology, criticism of reality from the standpoint of common sense. Moscow, 2015, 448 p. (In Russ.)
4. Grimm J. Germanic Mythology. Gods of the Ancient Germans. Moscow, 2024. 864 p. (In Russ.)
5. Ivanov V. I. By the Stars. Furrows and Boundaries. Moscow, 2007. 1137 p. (In Russ.)
6. The History of Beauty / ed. by U. Eco. Moscow, 2006. 440 p. (In Russ.)
7. Karelian Fairy Tales. Petrozavodsk, 1983. 111 p. (In Russ.)
8. Losev A. F. Philosophy. Mythology. Culture. Moscow, 1991. 552 p. (In Russ.)
9. Maksimov S. Unclean, Unknown, and Holy Power. Winged Words: Essays. St. Petersburg, 2023. 832 p. (In Russ.)
10. Mordovian Folk Tales: for Older and Middle School Ages. Saransk, 1985. 400 p. (In Russ.)
11. Nietzsche F. On Power. Moscow, 2018. 432 p. (In Russ.)
12. Propp V. Ya. Morphology of the magic tale. Historical roots of the magic tale. Russian Heroic Epic. St. Petersburg, 2021, 1168 p. (In Russ.)
13. Sartre J.-P. What is Literature? Moscow, 2020. 448 p. (In Russ.)
14. Philosophy and nature, cosmo-psycho-logical model of the Russian fairy tale: in 3 books. Book 1. The nature and philosophy of the Russian fairy tale in the theory of Russian cosmo-psycho-logos / ed. A. A. Gagaev, P. A. Gagaev. Saransk, 2016. 502 p. (In Russ.)
15. Franz M.-L. von. Collected Works. Vol. 1: Archetypal Symbols in Fairy Tales. The Ordinary and Magical Worlds. Moscow, 2023. 687 p. (In Russ.)
16. Franz M.-L. von. Collected Works. Vol. 3: Archetypal Symbols in Fairy Tales. The Maiden's Test. Moscow, 2024. 527 p. (In Russ.)

17. *Spengler O.* The Decline of Europe. Essays on the morphology of World History. Gestalt and reality. St. Petersburg, 2023, 1152 p. (In Russ.)
18. *Jung K. G.* Selected Works. St. Petersburg, 2014. 287 p. (In Russ.)

Поступила 14.09.2025.

Сведения об авторе

Миничкин Павел Дмитриевич – кандидат культурологии, доцент кафедры дизайна и рекламы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: культура этносов, философия социума. Автор более 28 научных и учебно-методических публикаций. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7723-1355>.

E-mail: mini4ckin.paw@yandex.ru

Submitted 14.09.2025.

About the author

Pavel D. Minichkin – Cand. Sci. (Cultural Studies), Associate Professor of the Department of Design and Advertising, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: culture of ethnic groups, philosophy of society. The author of more than 28 scientific publications. ORCID: <https://orcid.org/00000002-7723-1355>.

E-mail: mini4ckin.paw@yandex.ru